

УДК 81'37'42:39:821.161.1-1Пушкин

ЯКОВЛЕВА Ольга Васильевна

доктор филологических наук, профессор кафедры
общего и славянского языкознания

Одесского национального университета

им. И. И. Мечникова, Французский бульвар, 24 / 26,

г. Одесса, 65058, Украина;

e-mail: olga_yakovleva53@mail.ru ; тел. : +38-067-4818898

МИФОЛОГЕМА «РУСАЛКА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. В. Яковлева

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Одесса

Аннотация: В статье объясняется выбор термина в названии. С учетом народной мифологии, верований русских и украинцев о русалках как низших существах, анализируется фрагмент языковой картины мира славян, представленный в поэтических текстах А. С. Пушкина. Обращается внимание на авторские трансформации знаний о русалках, которые сохранены в памяти восточных славян. Частично выделена национальная специфика в мифологической картине мира русских и украинцев.

Ключевые слова: этнолингвистика, картина мира, мифологема, русалка.

Анотація: У статті пояснюється вибір терміна «міфологема». З урахуванням вірувань та міфів росіян і українців про русалок як представниць підземного світу, аналізується фрагмент мовної картини світу слов'ян, представлений у поетичних текстах О. С. Пушкіна. Звертається увага на авторські трансформації у народних знаннях про русалок, які збережені у народній пам'яті. Частково виділена національна специфіка міфологічної картини світу росіян і українців.

Ключові слова: етнолінгвістика, картина світу, міфологема, русалка.

В работах лингвистов последних лет актуальной остается проблема, связанная с теорией картины мира. В Украине такие исследования ведутся с

учетом специфики этнического сознания как русскоговорящего, так и украиноязычного населения, а также с учетом традиций, обрядов, верований, мифологии [1, с.83-84].

Как известно, традиционный и обязательный курс для иностранных учащихся – лингвострановедение на современном этапе развития науки о языке вытесняется информацией междисциплинарного уровня, которая предполагает синтез данных этнолингвистики и лингвокультурологии [2, с. 3].

Современная украинская и российская этнолингвистика, так же, как и западноевропейская, решают общую глобальную проблему – моделирование картины мира, иначе говоря, моделирование картины знаний о мире, которые присущи тому или иному этносу [3, с. 116].

В языкознании четко разграничиваются такие понятия, как *когнитивная картина мира* и *языковая картина мира*; они не равны друг другу, так как первая, *когнитивная*, неизмеримо шире. Исследование концептосферы народа, знаний о мире возможно только через призму языковой картины мира, которая представлена «в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка» [4, с. 6].

Учитывая, что понимание самого термина „этнолингвистика” является неоднозначным [5, с. 163-168], и то, что эта дисциплина изучает язык, в том числе и через призму мифологических представлений, которые являются частью семантического пространства того или иного языка или общей частью семантики родственных языков (в нашем случае – русского и украинского), предложенная тема является актуальной, так как в статье анализируется одна из мифологем в поэтической картине мира А. С. Пушкина.

Филологи, внимание которых привлекает изучение текстов усного народного творчества, сталкиваясь с такими понятиями, как «миф», „мифологема”, „архетип”, „идеологема”, „концепт”, «символ» и т.д., понимают необходимость их конкретизации.

Как в своё время отметила Н. Лысюк, в научных исследованиях гуманитариев понятие «архетип» утратило связь с психологией, а привычный для фольклористов и мифологов термин «мифологема» часто употребляется в расплывчатом значении [6, с. 265].

Термин, которому мы отдаем предпочтение, имеет прозрачную внутреннюю форму: *мифологема* от гр. *mythos* – „сказание, предание, которое возникло в глубокой древности и в персонифицированной форме передает представление о мире” [5, с. 420] и гр. *Logos* – „знание, понятие, мысль” [7, с. 283]. Таким образом, объектом нашего исследования в данной статье будут знания о *русалке*, которые донесли до нас мифы русских и украинцев, и как народные представления об этом существе низшего мира представлены в поэтических текстах А. С. Пушкина.

Великий поэт, – писал Д. Медриш, – неоднократно прикасался к фольклору многих народов, ближних и дальних. «Чужой» фольклор переводился им в литературный ряд сквозь призму родного, русского, и оттого, не убывая в своеобразии, переставал быть чужим. В этом плане опыт Пушкина бесценен: он открыл в народном творчестве такие залежи красоты, которые уже в последующие эпохи стали разрабатываться усилиями самых различных художников слова [8, с. 71].

Мифологема *русалка* встречается в прологе к поэме «Руслан и Людмила». Как известно, А. С. Пушкин создал романтическую поэму в южный период, которая сделалась популярным жанром русской литературы 20-30-х годов. Т. Зуева уверена, что именно романтические поэмы трансформировались в знаменитые сказки А. С. Пушкина [9, с. 119].

В прологе к поэме «Руслан и Людмила» отразилось понимание А. С. Пушкиным народной волшебной сказки. В тексте мифологема *русалка* встречается в одной строке: *...русалка на ветвях сидит* [10, с. 653]. Этот образ связан с древним языческим праздником, который назывался у славян – *русалии* (укр. *Русальний тиждень, Русальна неділя, Русальні святки, Русальний Великдень, Русальні розгри, Русаля, Русавні, Коструб*) [11, с. 447].

Русалии заканчивались праздником Ивана Купалы, и были известны всем славянским народам как праздник перехода от весны к лету. Данное торжество тесно связано с греко-римским праздником роз (Rosalia), который символизировал начало лета и одновременно был поминальным днем.

Русалка – неоднозначный образ. В русской мифологии ее чаще всего изображали в виде молодой красивой девушки с длинными волосами и рыбьим хвостом. Русалки – любители музыки и пения, увлекающие молодых людей. На такое представление, считают некоторые исследователи, повлияли литературные источники, в частности, романтические произведения начала XIX в. В. Жуковского, А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, Т. Шевченко, Л. Украинки, А. Мицкевича и других авторов.

В народных представлениях, зафиксированных в середине XIX в., в частности, среди жителей Саратовской губернии, русалки – косматые, горбатые, с большим животом и острыми когтями, с длинной гривой и большим железным крючком, которым они ловят прохожих. В Витебской губернии – это грязные, злые и угрюмые старухи с клюкой в руках [12, с. 343-345]. Их и называли по-разному: *шутовками* (от *шут* в значении черт); *чертовками*; *мертвушками*; в Белоруссии – *водяницы*, *купалки*; в Украине – (укр.) *русавки*, *купалки*, *водяниці*, *лоскотухи*; *мавки*, *навки* (от *навь*, *навьи* – души умерших, покойники).

В украинской мифологии русалки могли быть и представителями мужского пола. Во времена язычества они ассоциировались с буйной растительностью, полем, урожаем. Об этом свидетельствуют народные верования украинцев Поднепровья, где сохранились «тридевять» имен сестер русалок, среди них: (укр.) *Овсяниця*, *Житниця*, *Пшениця*, *Травниця*, *Березиця*, *Вербиця*, *Вишниця*, *Сливиця*, *Яблуниця*, *Грушениця* и т.д. Каждая из этих сестер имела свои обязанности. Так, например, *Росяниця* заботилась о том, чтобы напоить живительной влагой траву – основной корм для коров. Наши далекие предки были уверены, что сила растений переходит в молоко и

обеспечивает здоровье детей. В народе говорили: (укр.) «*Росяниця годує дітей молоком*» [11, с. 449].

Крестьяне верили: «где русалки бегали и резвились, там трава растет гуще и зеленее, там и хлеб родиться обильнее». Русалки – хранительницы посевов. В то же время, они могли причинить посевам и вред, наслав бури, проливные дожди и град [12, с. 349].

Намного позже русалки стали ассоциироваться с теми, кто умер неестественной смертью (мертворожденные или некрещеные дети, девушки-утопленницы, т.е. с «неправильными», а значит, опасными покойниками, которые были связаны с нечистой силой – «наибольшим чертом»). Христианство не могло окончательно избавиться в народных верованиях об этом персонаже, поэтому до сих пор люди празднуют на седьмой неделе после Пасхи *Русальную неделю*, которая предшествует празднику Святой Троицы. Самым опасным днем на этой неделе был четверг, который называли *Русальной Пасхой* или *Сухой четверг*, когда русалки выходили из водоемов, расчесывали свои волосы, катались на ветвях деревьев и заманивали к себе молодых девушек и парней. Чтобы уберечься от несчастий, молодежь носила при себе любисток и полынь, а в последний день на этой неделе устраивали специальный обряд – проводы русалки или похороны русалки. Широко распространено было во время этого обряда растерзание, сжигание или оставление чучела русалки в ржаных полях, что способствовало, по народным представлениям, лучшему росту злаковых растений. Иногда чучело сжигали, а участники обряда прыгали через огонь, обливали друг друга водой, чтобы очиститься от болезней, злых духов и колдунов [12, с. 357-358].

В Русальную неделю запрещалось купаться в водоемах, полоскать там белье, работать на поле, ходить в лес; под запретом были следующие женские обязанности: прясть, шить, стирать, подметать пол, обмазывать печь и т. д. Чтобы задобрить русалок, им жертвовали хлеб, мед, блины. За это русалка может щедро наградить хорошим урожаем льна, полотном, умением

прясть. В Пермской губернии верили: если увидеть, как русалка расчесывает волосы, с которых сыпется серебро, то можно разбогатеть. Оберегом были острые железные предметы, молитва, магический круг [там же, с.355].

Обряд проводов русалки сопровождали специальные обрядовые песни, в которых пелось о том, как русалки сидят на белой березе, ловят девушек, просят у женщин полотно или одежду, загадывают загадки. Девушки часто выбирали свою русалку. В каждом регионе были свои особенности такого праздника.

У А. С. Пушкина есть стихотворение «Русалка» [10,с.203-205] и одноименное драматическое произведение [13,с.486-506]. В стихотворении поэт очень точно передает народные представления о русалках: *«... легка, как тень ночная, бела, как ранний снег холмов, выходит женщина нагая и молча села у берегов»* [10,с.204]. Выходя из воды, русалка, как правило, расчесывала свои длинные мокрые волосы, кивала головой тому, кто на нее смотрел, манила рукой за собой в воду. Мало кто мог отвести взгляд от такого видения. Поддался чарам русалки и монах, несмотря на то, что усердно молился. В следующую ночь видение повторилось: *«... и снова дева над водою сидит, прелестна и бледна. Глядит, кивает головою, целует издали шутя, играет, плещется волною, хохочет, плачет, как дитя, зовет монаха, нежно стонет... «Монах, монах! Ко мне, ко мне!...» И вдруг в волнах прозрачных тонет; и все в глубокой тишине»* [10,с. 204]. Заканчивается стихотворение гибелью отшельника, который и на третий день *сидел и девы ждал прекрасной. Утром монаха не нашли нигде, и только бороду седую мальчишки видели в воде* [там же, с. 205].

В народных верованиях русских и украинцев есть информация о том, как защититься от русалок в те дни на русальной неделе, когда они выходили из воды и охотились, в первую очередь, за красивыми молодыми парнями, очаровывая их своими песнями, а поймав кого-нибудь из них, начинали щекотать, часто – до смерти, а тогда уже тянули в воду. Иногда говорили, что щекочут полевые русалки, а топят – водяные [11, с. 449-450].

Как отмечалось выше, в мифологии не только русских и украинцев, но и других славян, русалки играли и позитивную роль. Они выходили на землю, чтобы быстрее зацвели посевы у крестьян, а там, где они танцевали, урожай зерновых был намного лучше.

Однако у Пушкина и в незаконченной драме «Русалка» этот образ связан с негативными коннотациями. Аналогичный сюжет положен поэтом и в основу одной из его «Песен западных славян». Имеется в виду «Яныш королевич». Здесь молодая красавица, которую обманул королевич, кинулась в Мораву, стала водяною царицей и родила дочь Водяницу, которая при встрече с отцом так говорила о матери: *«Мать моя царица водяная; она властвует над всеми реками, над реками и над озерами; лишь не властвует она синим морем...»* [10, с. 554].

Действие драмы «Русалка» происходит на берегу Днепра, на мельнице, где живут мельник и его красавица-дочь, к которой часто приезжал князь. Девушка искренне его полюбила, отец не запрещал единственной дочери быть любовницей князя, надеясь, что она будет с ним счастлива. Однако князь предлагает девушке расстаться, так как решил жениться на другой. Дочь мельника бросается в реку, тонет и превращается в русалку. На свадьбе князя, в разгар веселья слышится голос, который поет о красной девице, которая, *утопая, мила друга проклинала* [13, с. 495].

Однажды князь не вернулся к молодой жене после охоты: *Остался один в лесу на берегу Днепра* [там же, с.499]. Ночью на берег при свете луны вышли русалки. Луна – это солнце для русалок: *Любо нам порой ночью дно речное покидать, любо вольной головою высь речную разрезать, подавать друг дружке голос, воздух звонкий раздражать, и зеленый, влажный волос в нем сушить и отряхать* [там же, с. 500].

Князь узнал место, где была мельница. Встретив старика, который говорил о *русалке, вещи дочери...*, и о том, что он не мельник, а ворон, князь подумал, что старик сошел с ума.

Согласно народным представлениям, Пушкин описывает дно Днепра, где находится терем русалок. Они, как и обычные девушки на земле, прядут около своей царицы. Она приказывает русалкам оставить пряжу, так как солнце село: *«Плывите вверх над небом поиграть, да никого не трогайте сегодня. Ни пешехода щекотать не смейте, ни рыбакам их невод отягчать травой и тиной, ни ребенка в воду заманивать рассказами о рыбках»* [13, с.504].

Вспоминая свою гибель, девушка-утопленница устами русалки передает народные представления о себе как представительнице подземного мира, которого боялись на земле: *«С той поры, как бросилась без памяти я в воду отчаянной и презренной девчонкой и в глубине Днепра-реки очнулась русалкою холодной и могучей, я каждый день о мщеньи помышляю...»* [там же, с. 505].

Как мы указывали выше, данное драматическое произведение Пушкин не закончил, и мы не знаем, что случится с князем, который вспоминает на берегу реки, как он был счастлив здесь когда-то с дочерью мельника, которую искренне любил. Его дочь, русалочка, выходит на берег, и князь поражен ее красотой...

Таким образом, проведенный анализ семантического пространства, связанного с мифологемой *русалка* в контексте художественной картины мира, созданной А. С. Пушкиным с учетом народных представлений об этом мифическом существе у славян, позволяет частично осмыслить особенности национальной когнитивной картины мира восточных славян, приблизиться к одному из интереснейших фрагментов языковой картины мира, связанной с мифологией. Данный материал может быть полезен и в процессе преподавания русского и украинского языков как иностранных при выявлении национальной специфики языковой картины мира разных народов.

Список литературы

1. Селіванова О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) / О. О. Селіванова. – К. : Фітосоціоцентр, 1999. – 148 с.
2. Мусієнко В. П. Методологічні проблеми моделювання картини світу / В. П. Мусієнко // Актуальні проблеми менталінгвістики : зб. ст. за матеріалами IV Міжнар. наук. конф. – Черкаси, 2005. – С. 3-5.
3. Українська фольклористика : словник-довідник / уклад. і заг. ред. М. Чернопиского. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2008. – 448 с.
4. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 3., перераб. и доп. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
5. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
6. Лисюк Н. Поняття архетипу в народній культурі / Наталя Лисюк // Дух і літера. – № 7-8, – К., 2001. – С. 262-276.
7. Словарь иностранных слов. – 14 – е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1987, – 608 с.
8. Медриш Д. Н. Фольклоризм Пушкина. Вопросы поэтики: учебное пособие по спецкурсу /Д. Н. Медриш. – Волгоград, 1987. – 72 с.
9. Зуева Т. Фольклорные и литературные особенности сказок Пушкина / Т. В. Зуева // Русская речь. – № 3. – 1999. – С. 112-122.
10. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. – Т. 1. – М.: «Художественная литература», 1985. – 735 с.
11. Войтович В. М. Українська міфологія / В. М. Войтович ; передмова В. Шевчука. – Вид. 2-е, стер. – К. : Либідь, 2005. – 664 с. : іл.
12. Русская мифология : энциклопедия / сост., предисл., общ. ред. Е. Мадлевской. – Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Мидгард, 2006. – 784 с. : ил.

13. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. – Т. 2. – М.: «Художественная литература», 1985. – 527 с.

Olga Yakovleva
Doctor of Philology, Professor
Department of General and Slavic Linguistics
Odessa Mechnikov National University
e-mail: olga_yakovleva53@mail.ru

Mythologeme "Mermaid" in the works by A. Pushkin: ethnolinguistic aspect

Summary. The article explains the choice of the term in the title. A fragment of the language picture of the world of Slavs presented in poetic texts of Pushkin is analyzed considering the Russian and Ukrainian folk mythology, beliefs about mermaids as inferior beings. Attention is drawn to the author's transformations of knowledge about mermaids, which are stored in the memory of the Eastern Slavs. National identity in mythological picture of the world of Russian and Ukrainian people is partially allocated.

Key words: *ethnolinguistics, picture of the world, mythologeme, mermaid.*

